

© Т.А. ГАЛЛЯМОВА

tatosi@list.ru

УДК 81

**«ГЛУХАЯ РУСЬ» В РОМАНЕ
И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»
«DEAF RUS» IN THE NOVEL
OF I.A. BUNIN «THE LIFE OF ARSENEV»**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается образ русской земли, явленный в ипостаси «глухой Руси», анализируются основные смыслы, которые скрывает понятие «глухая Русь» в романе «Жизнь Арсеньева», то есть изучаются особенности бунинской интерпретации данного образа; исследуются принципы и приемы бунинской поэтики (основное внимание уделяется поэтике ощущения); исследуются способы пространственной репрезентации образа «глухой Руси», доказывающаяся его противоречивая, амбивалентная природа; интерпретируется вопрос о национальной самобытности прозы И.А. Бунина, что позволяет говорить об особом месте И.А. Бунина в литературном процессе. Роман «Жизнь Арсеньева» рассматривается как роман о русском художнике; поднимается вопрос об особой феноменологической и автобиографической природе романа; анализируется вопрос о принадлежности слова, «голоса» в романе (задается феноменологическая установка); устанавливается характер взаимоотношений художника и места, читателя и места, что способствует пониманию мировоззрения Бунина. Исследование способов пространственной репрезентации «глухой Руси» в романе «Жизнь Арсеньева» остается актуальным в современном литературоведении в русле изучения «поэтики ландшафта».

SUMMARY. The author describes the image of “deaf Rus” as one of the fundamental patterns characterizing the space of the Russian earth; main meanings of conception “deaf Rus” in literary tradition and in the novel “The life of Arsenev” are found out; features of Bunin’s interpretation are investigated. “Deaf Rus” is represented as an object that we are impressed by and the subject that has its own emotions and can influence a person. It proves the ambivalence of the image of “deaf Rus” that can be at the same time alive and empty, abundant; merry and sad; simple, clear and dark, mysterious; wide, free and close, “own” and “alien”. Peculiarities of Bunin’s word are shown in the work, poetics of feelings is in the center of attention, spatial thought of an author is analyzed, the question about national originality and autobiographical character of the novel are actual. Poetics of feelings is shown brightly in the description of the Russian earth as natural beginning.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. «Глухая Русь», роман Бунина «Жизнь Арсеньева», пространство русской земли, поэтика ощущения, голос русской земли.

KEY WORDS. The image of the “deaf Rus”, space of Russian earth, poetic of feelings, “own” and “alien” land.

«Жизнь Арсеньева» — наиболее значительное произведение Бунина эмигрантской поры, которое представляло и представляет особый интерес для исследователей.

Человек, по Бунину, может попадать во власть пространства. Приоритетный пространственный образ, воплощающий русскую землю, — «глухая Русь».

Значение лексемы «глухой» в русском языке многозначно: 1) лишенный способности слышать; 2) без выходу; непроходной, непроезжий; несквозной, сплошной; тупик; 3) заделанный накрепко; закрытый; 4) темный, непонятный; неясный; 5) пустынный; захолустный, застойный; безлюдный; 6) запущенный и сильно заросший; дикий, едва проходимый [1; 56].

В романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» крайне важной темой становится тесная взаимосвязь художника и пространства «глухой Руси». Сам Бунин признавался: «Я любил, я просто был влюблен в природу. Мне просто хотелось слиться с ней <...> Я мучился, не умея этого выразить словами. Я выходил утром страстно взволнованный и шел в лес, как идут на любовное свидание» [2; 28]. Писатель обладал особым талантом — чуткостью к окружающему миру, что выражалось в слове через поэтику ощущения. Этими качествами автор наделяет и героя-повествователя в романе «Жизнь Арсеньева»: «...зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги» [3; 67]. О.Н. Михайлов определяет эту ситуацию как «эстетическое познание мира, которое не зависит от времени и преодолевает даже смерть» [4; 133].

Бунин наделяет пространство «глухой Руси» особыми смыслами. «Глухая Русь» в романе «Жизнь Арсеньева» — это место, которое лишено способности слышать. Такое пространство закрыто, пустынно, туда не долетает ни звука: «В самом деле, вот хотя бы то, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них...» [3; 9]. «Великий» и «глухой» — взаимоисключающие понятия. С одной стороны, «глухая Русь» — забытое Богом место (эпитет «великая» может толковаться как превосходная степень «глухого» места), с другой стороны, — олицетворение великих просторов русской земли. «Величие» этого места открывается только посвященному, способному расслышать «голос» земли. Художнику знакома «вечная тишина этих полей, их загадочное молчание...» [3; 9]. Молчание может быть загадочным только тогда, когда есть, о чем молчать.

Когда герой принимает решение покинуть родную усадьбу, пространство поля впервые становится враждебно ему, возникает мотив одиночества: «в поле хмуро темнело» [3; 173]; «ветер круто, надавливая, точно холодной водой дул мне в бок, бил, гудел в ухо, тревожно и воровски шуршал в неверном сумраке полей» [3; 174]. Пространство вдруг становится «чужим», не желает выпускать героя из своей власти. Оно сгущается и становится «непроходным», «непроезжим», «закрытым». В романе часто появляются безличные предложения, где нет четкого субъекта: «В поле было грустно, пусто, холодно, неприветливо...» [3; 173]. В данном случае пространство берет человека в плен, определяет его эмоциональное состояние.

Русская земля в романе — амбивалентное пространство: «Перед нами опять открылся вдали знакомый мир — поля, их деревенская простота и свобода» [3; 12]. «Глухая Русь» может стать местом открытым, простым и понятным. Бескрайние

просторы дают возможность разгуляться русской душе, вдохновляя и радуя, о чем говорил Н. Бердяев в своей работе «Душа России» [5; 217]. Так, возникает конфликт между стремлением человека к свободе и зависимостью от места. При всей своей неразрешимости конфликт рождает новое слово русского писателя о мире.

Эпштейн М.Н. в книге «Природа, мир, тайник вселенной...» указывал на «субъективные свойства природы» [6; 31]. «Глухая Русь» — субъект, который может действовать или бездействовать: «Солнце скрылось за притихший сад». Эпитет «притихший» указывает на то, что субъект некогда производил действие, не был «тихим».

Автор чувствует то, что может почувствовать только художник, открывший в себе «голос» русской земли. «Закрытое» и «молчаливое» пространство «глухой Руси» приобретает голос, начинает говорить с человеком. Природа у Бунина пантеистически наделена душой и мудростью: «Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему...» [3; 9]. Эпитетом «непонятной» (любвью) подчеркивается тоска по трансцендентному. «Глухая Русь» наделена голосом, приобретающим власть над русской душой.

С первых страниц романа «глухая Русь» наделается значением «захолустная», «застойная», «пустынная», «бедная»: «Где я родился, рос, что видел? Ни гор, ни рек, ни озер, ни лесов <...>» [3; 17]; «Я ехал большой дорогой — и дивился ее заброшенности, пустынности» [3; 198]; «А разве я не осознавал порой, что еще никогда не ступала нога моя дальше нашего уездного города, что весь мир еще замкнут для меня давно привычными полями и косогорами» [3; 157]. В данном контексте лексема «привычные» выражает желание героя-повествователя выхода за пределы этого места.

«Глухая Русь» в романе «Жизнь Арсеньева» может быть местом темным, непонятным, требующим вглядывания, проникновения. Человек теряется «в глуши темных снежных полей, в одинокой усадьбе» [3; 73]. Семантика эпитета «темные» в данном контексте обретает смыслы — печальные, сомнительные, мрачные, неясные.

Эпитеты «пустынный», «темный», «старинный» приобретают и положительную семантику в данном контексте: «...я впервые почувствовал поэзию забытых больших дорог, отходящую в преданье русскую старину. Большие дороги отживали свой век, отживала и Чернавская. Ее прежние колеи зарастали травой...» [3; 76]. «Глухая Русь» — древнее, «дикое» место, в котором художник видит поэтичность. Оно становится потаенным, сокровенным для посвященного.

В то же время, автор дает понять, что русская земля полна жизни. Эта жизнь хранит в себе тайну, которую нужно разгадать: «стали заводить свои дремотные, мечтательные и успокоительные трели лягушки на пруду в поле»; «Вокруг меня, куда ни кинь взгляд, колосистые ржи, овсы, а в них, в густой чаще склоненных стеблей, — затаенная жизнь перепелов» [3; 10]. Так, в романе появляются мотивы сна, мечты, наблюдается заполненность пространства. «Глухое» место становится густым, живым, таинственным и многозначным.

Роман «Жизнь Арсеньева» — автобиографический. До сих пор невозможно с уверенностью определить, кому принадлежит слово. В данном случае роман —

не документальная вещь, не наблюдение, а произведение, написанное по памяти, вдалеке от России. Мальцев вводит понятие «феноменология ощущения» [2; 156]. «Жизнь Арсеньева», по Мальцеву, — это не воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия (то есть новое «восприятие восприятия») [2; 305].

Вслед за Ю. Мальцевым, Н.В. Пращерук справедливо замечает: «Задача Бунина философского свойства: достичь и запечатлеть «освобождение от времени» в аспекте главной проблемы всей книги — проблемы человеческой жизни» [7; 88].

В романе «Жизнь Арсеньева» писатель — человек, воспринимающий землю и в то же время — сам голос «глухой Руси», поэтому трудно определить, кому принадлежит слово. Слово принадлежит русской земле (субъект и объект слиты). Нельзя не согласиться с суждением И. Ильина о Бунине: «Это он «все видит, все замечает и чувствует»; и ненасытно, бесконечно путешествует по лицу земли. Он видит внешнюю природу — и сливается с нею; он «чувствует свое кровное родство» с нею, — будь это гора или долина, птица или зверь» [8; 38]. «Глухая Русь» для автора — это есть родная земля, природное начало, земля, представляющая собой почву, на ней произрастает все живое — «земляная снедь», которая поит и кормит.

«Глухую Русь» можно постичь через осязание, зрительные образы, запахи, звуки.

Автор описывает «богатство земляной снеди»: «Но уже где было настоящее богатство всякой земляной снеди, так это между скотным двором и конюшней, на огородах. Подражая подпаску, можно было запастись посоленной коркой черного хлеба и есть длинные зеленые стрелки лука с серыми зернистыми махорчиками на остриях, красную редиску, белую редьку, маленькие шершавые и бугристые огурчики. <...> На что нам было все это, разве голодны мы были? Нет, конечно, но мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир» [3; 16-17]. За обедом дети едят малину с молоком и с сахаром, рвут «наклеваные птицами и подпеченные солнцем вишни» [3; 49]. Для Бунина важен сам процесс приобщения к русской земле. В данном контексте земля — воспринимаемый образ, объект, но, приобщаясь к этому образу, человек становится сам частью земли. «Земляная снедь» наделяется определенными качествами: «длинные зеленые стрелки лука», «серые зернистые махорчики», «маленькие шершавые и бугристые огурчики», «желтела нежно и весело опушившаяся акация» [3; 141]. Зрительные образы всегда прекрасны, ведь Бунин говорит о природном мире русской земли. В приведенных выше цитатах эпитеты передают ощущения (задействовано зрительное и тактильное восприятие). Через землю усадьбы Арсеньев открывает для себя природный мир: «Под амбарами же нашли мы и многочисленные гнезда крупных бархатно-черных с золотом шмелей, присутствие которых под землей мы угадывали по глухому, яростно-грозному жужжанию. А сколько мы открыли съедобных кореньев, сколько всяких сладких стеблей и зерен на огороде...» [3; 16]. Сложный эпитет «крупных бархатно-черных с золотом шмелей» совмещает зрительное и тактильное восприятие. Цветовая символика — один из элементов метафоризации, который характерен для «усадебного» текста русской культуры. Но у Бунина цвет может сочетаться с вещественностью материала. В этом заключается особенность импрессионистской

манеры писателя, который стремится запечатлеть мгновение. Предельно важен не столько сам объект, сколько его восприятие. Образы шмелей наполняют пространство новым смыслом, делают его «живым» и осязаемым. Это пространство можно не только увидеть, но и услышать. Жужжание шмелей одновременно «глухое» и «яростно-грозное». Слуховое восприятие этого жужжания передается при помощи приема аллитерации: «р».

Приобщаясь к природному миру, герой вбирает его в себя: «Мало было в моей жизни мгновений, равных тому, когда я летел туда по облитым водой бурьянам и, выдернув редьку покрупней, жадно куснул ее хвост вместе с синей густой грязью, облепившей его <...>» [3; 17]. Прилагательные «синяя», «густая» (грязь) задействуют зрительное, тактильное и вкусовое восприятие. Здесь наблюдается цветоэксперимент. Земля приобретает необычную цветовую характеристику, становится «синей». Землю можно увидеть, ощутить на вкус и, самое главное, — ощутить в себе.

Землю можно слышать. В этом и заключается конфликт — «глухость» Руси преодолевается ее разнообразными голосами: «И как горестно-нежно звенела в бурьяне своей коротенькой песенкой овсянка! Тю-тю-тю-тю-ю» [3; 48]. «В ее (воде) светлой бездонности, похожей на какое-то зачарованное небо, спокойно отражались, тонули верхушки окружавшего ее березового и дубового леса, по которому с лепетом и шорохом тянул ветер с поля. И под этот шорох, лежа с подставленной под головой рукой, отец закрыл глаза и задремал» [3; 46]. «Мягко тянуло с поля сухую, зноем, светлый лес трепетал, струился, слышался его дремотный, как будто куда-то бегущий шум» [3; 45]. Бунин не комментирует ощущения, но передает их точно подобранными словами, благодаря которым мы слышим шорох, шум и даже молчание. Все эти звуки нужны для того, чтобы читатель тоже смог расслышать «голос» русской земли. Бунин пробуждает в читателе память на ощущения.

Упомянутый на первых страницах романа жук, является предвестником разлуки героя с родиной: «Он сердит, серьезен: возится в пальцах, шуршит жесткими надкрыльями, из-под которых выпущено что-то тончайшее, палевое, — и вдруг щитки этих надкрылий разделяются, раскрываются, палевое тоже распускается, — и как изящно! — жук подымается в воздух, гудя уже с удовольствием, с облегчением, и навсегда покидает меня, теряется в небе, обогащая меня новым чувством: оставляя во мне грусть разлуки...» [3; 35]. Глаголы «разделяться», «раскрываться», «распускаться» намечают и реализуют мотив свободы. Человек живет в гармонии с природой и учится у нее. Этим объясняется его любовь к воле. В то же время у художника обостренное чувство разлуки. Он испытывает горечь разлуки, расставаясь даже с такой крошечной частичкой России, как «рыжий жук».

Сочетание тактильных и зрительных образов помогает писателю наиболее полно выразить чувство земли: «маленькие шершавые и бугристые огурчики» [3; 15]; «можно прятаться друг от друга <...>, бегая босыми ножками по этой зеленой кудрявой мураве, сверху от солнца горячее, а ниже прохладной» [3; 43]. В начале возникает зрительный образ: «зеленая», «кудрявая», а затем Бунин задействует осязание.

Земля может дышать: «тончайшее и чистое дыхание серебрилось между землей и чистым звездным небом», «в комнатах запахло свежим и нежным

полевым воздухом, землей, ее мягкой сыростью» [3; 75]; «в остром морозном воздухе сладкий запах чада из кухонь» [3; 86]; «сладко и больно умилял душу запах земли, молодой травы» [3; 141]; «(у меня) было такое обоняние, что отличался запах росистого лопуха от запаха сырой травы!» [3; 157]. Нельзя не согласиться с И. Ильиным, отдающим особую роль запахам, описываемым в произведениях Бунина: «Бунин вдыхает мир; он нюхает его и дарит его запахи читателю; и мир благоухает или смердит ему. Иногда он описывает этот запах по содержанию, а иногда просто относит его к вещи, предоставляя читателю вспомнить его самостоятельно» [8; 40].

Родную землю можно ощутить на вкус и вкус этот будет всегда приятным: «<...> сколько всяких сладких стеблей и зерен на огороде <...>» [3; 16]. «А под амбарами оказались кусты белены, которой мы с Олей однажды наелись так, что нас отпаивали парным молоком: уж очень дивно звенела у нас голова <...>» [3; 43].

Для Бунина русская земля — до сих пор живой и милый сердцу край, осознать настоящую ценность которого, можно только за его пределами. Бунин «обрушивает» на читателя лавину ощущений, чтобы и для него (читателя) это место стало исконным, родным, заповедным.

Образ «глухой Руси» в романе «Жизнь Арсеньева» имеет амбивалентную природу и наделяется следующими смыслами: место, лишенное способности и желания слышать; место, заговорившее в самом художнике. Художник становится «голосом» русской земли; непроходное, непроезжее, закрытое место; место простое и открытое только для посвященного; темное — непонятное, неясное, мрачное место (в то же время в романе преобладает положительная семантика лексемы «темное» — древнее, сокровенное, заповедное, дикое); пустынное, захолустное, безлюдное, бедное место и одновременно наполненное жизнью, родное, исконное, великое, способное оказывать влияние на человека.

Е.Н. Эртнер, рассматривая роман «Суходол», приходит к выводу, что «сотворенный Буниным, он (Суходол) обретает новую и вечную жизнь в слове. Память воскрешает образ места. Но творит его не жизнь, а писатель, вглядываясь в себя и окликаая Суходол, открывающийся ему в новом понимании» [9; 11]. Точно так же, но уже «глухая Русь» в романе «Жизнь Арсеньева» обладает «голосом». С одной стороны, авторский, Бунинский голос — это выражение себя, своего восприятия русской земли, реализация художественного начала, с другой стороны — это сам «голос» земли. Роман «Жизнь Арсеньева» многогранен, он реализует не только встречу писателя и русской земли, но и встречу читателя с русской землей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Товарищество М.О. Вольфа, 1990. С. 56.
2. Мальцев Ю. Иван Бунин (1870-1953). М.: Посев, 1994. 432 с.
3. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность: собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988. С. 7-251.
4. Михайлов О.Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М.: Центрполиграф, 2001. 520 с.
5. Бердяев Н.А. Душа России // Судьба России. М.: Издательство АСТ, 1990. 383 с.
6. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной... М.: Высшая школа, 1990. С. 28-40.

7. Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург: Фонд Созидание, 1999. 254 с.
8. Ильин И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. С. 25-78.
9. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX — начала XX века. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 212 с.
10. Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.

REFERENCES

1. Dal', V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 2 tt. T. 2* [Explanatory Dictionary of Russian in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1990. P. 56. (in Russian).
2. Mal'cev, Ju. *Ivan Bunin (1870-1953)* [Ivan Bunin (1870-1953)]. Moscow, 1994. 432 p. (in Russian).
3. Bunin, I.A. *Zhizn' Arsen'eva. Junost': sobr. soch. v 6 tt. T. 5.* [Life of Arsenyev. Youth: Works in 6 vol. Vol. 5]. Moscow, 1988. Pp. 7-251. (in Russian).
4. Mihajlov, O.N. *Zhizn' Bunina. Lish' slovu zhizn' dana...* [Life of Bunin. Only the word has been given life...]. Moscow, 2001. 520 p.
5. Berdjaev, N.A. *Soul of Russia // Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, 1990. 383 p. (in Russian).
6. Epshtejn M.N. *Priroda, mir, tajnik vselejnoj...* [Nature, the world, the secrets of the universe...]. Moscow, 1990. Pp. 28-40. (in Russian).
7. Prashheruk, N.V. *Hudozhestvennyj mir prozy I.A. Bunina: jazyk prostranstva* [The artistic world of prose by I.A. Bunin: the language of space]. Ekaterinburg, 1999. 254 p. (in Russian).
8. Il'in, I. *O t'me i prosvetlenii. Kniga hudozhestvennoj kritiki. Bunin. Remizov. Shmelev* [On darkness and enlightenment. Book of art criticism. Bunin. Remizov. Shmelev]. Moscow, 1991. Pp. 25-78. (in Russian).
9. Ertner, E.N. *Fenomenologija provincii v russkoj proze konca XIX — nachala XX veka* [Phenomenology province in Russian prose late XIX — early XX century]. Tyumen, 2005. 212 p. (in Russian).
10. Bashljar, G. *Izbrannoe. Pojetika prostranstva* [Selected. The Poetics of Space]. Moscow, 2004. 376 p. (in Russian).

Автор публикации

Галлямова Татьяна Александровна — аспирант кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Author of the publication

Tatyana A. Gallyamova — Post-graduate Student, Department of Russian Literature, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University